

Петрухина Елена Васильевна

Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида

1. Вступление. В описаниях русского языка четко прослеживаются два основных направления: теоретические исследования, публикация результатов которых предназначена для научных кругов, и описание семантики и закономерностей употребления языковых единиц и категорий в практических целях – в основном в учебных пособиях для изучающих русский язык иностранных учащихся. Работы, в которых цельная и непротиворечивая лингвистическая теория использовалась бы в практических и учебных целях, составляют явно меньшую часть лингвистической литературы, хотя именно в таких работах ощущается большая потребность в университетской практике преподавания русского языка как для иностранных, так и российских студентов. Многие публикации Вольфганга Гладрова (Gladrow 1979; 1984; 1989; 1996; 2001; 2002) относятся именно к этому типу лингвистических работ: разрабатываемые фундаментальные положения не остаются замкнутыми лишь на теории, а используются в преподавании русского языка немецким студентам, в методическом сопоставлении немецкого и славянских языков. В предлагаемой статье используется такой опыт описания русского языка: решение ряда теоретических вопросов изучения русского глагольного вида направлено на объяснение закономерностей употребления видов и видовременных форм и может быть использовано в практике преподавания русского языка, в том числе и в немецкой аудитории.

Как представляется, новые тенденции языкознания последней четверти XX – начала XXI (усиление антропо- и этноцентризма, психологизма и функционализма, прежде всего в его коммуникативной разновидности) не противоречат фундаментальному принципу структурной лингвистики, главенствующего лингвистического направления XX в., – принципу системности. Согласно данному принципу, сформулированному в Тезисах Пражского лингвистического кружка, в работах Бодуэна де Куртенэ, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Р. Якобсона и др., язык понимается как функциональная и целенаправленная система средств выражения, как «система систем», функционирующая по законам «структуры языка, взаимозависимости его частей, а также частей языка и языка в целом» (Якобсон 1963). В данной статье я хотела бы подчеркнуть, что многие

положения аспектологии XX в., разработанные Р.О. Якобсоном, Ю.С.Масловым, С.Карцевским, А.В. Бондарко, в частности о категориальной семантике видов, характере видовой оппозиции и ее нейтрализации, соотношении времени и вида и др., – не теряют своей актуальности и объяснительной силы и при исследовании функций грамматической категории вида в тексте¹.

2. Граммема² совершенного и несовершенного вида. Категория глагольного вида является одной из самых сложных категорий как для изучения ее иностранными учащимися, так и описания с теоретической и методической точек зрения. Существует множество теорий глагольного вида, рассмотрение которых не является целью данной статьи. Здесь анализируется ряд более частных и имеющих практическую направленность вопросов, относительно которых высказываются разные мнения, порой противоположные, а именно: характер видовой оппозиции и семантика несовершенного вида (НСВ); соотношение нейтрализации видовой оппозиции и конкуренции видов; настоящее историческое с точки зрения нейтрализации видового противопоставления; может ли совершенный вид (СВ) выражать действия, одновременные с моментом речи и др. Прежде чем перейти к рассмотрению данных вопросов, определим свое понимание категориальной семантики русского вида.

Существующие в аспектологии определения категориальной семантики СВ ('достижение предела', 'завершенность', 'результат', 'смена ситуации', 'возникновение новой ситуации', 'начало новой ситуации', 'целостность') отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, – концепта ПРЕДЕЛА КАК ВРЕМЕННОЙ ГРАНИЦЫ ДЕЙСТВИЯ, по отношению к которому определяется категориальная семантика СВ и НСВ. Предел может рассматриваться как «изнутри», со стороны самого действия (ср. 'завершенность', 'результат'), так и «снаружи» (ср. 'смена ситуации', 'начало новой ситуации', 'возникновение новой ситуации'), т.е. с точки зрения соотношения данного действия с другими смежными³ во времени си-

¹ Ср. иную точку зрения в (Золотова 2002).

² Введенный американскими дескриптивистами термин «граммема» (*gramme*), активно используемый в российской лингвистике, выражает категориальное грамматическое значение как элемент грамматической категории, см.: (Зализняк 1967, 26-27; Апресян 1988; Плунгян 2000: 101-120). Именно в таком понимании этот термин употребляется в данной статье. В трудах А.В.Бондарко «граммема» используется иначе: как единица, обладающая не только планом содержания (представляющим одну из противопоставленных реализаций категориального значения), но и планом выражения (т.е. морфологической формой) (Бондарко 1976, 129).

³ Н.Д. Арутюнова подчеркивает, «что предел в контексте времени и в контексте пространства существенно различны». Если «конец, или граница, пространственных объектов не имплицитно с необходимостью непосредст-

туациями. Конец предшествующей ситуации и начало следующей могут восприниматься целостно; такая интерпретация предела действия связана с концептом целостности, который в трудах Ю.С. Маслова, в ранних работах А.В. Бондарко, в зарубежной славистике считается категориальным значением СВ.

В конкретных высказываниях один из предельных моментов обозначаемой ситуации в семантике терминативных⁴ глаголов СВ может актуализироваться. Ср.: *В пятницу вечером на дорогах были большие «пробки», мы выезжали из Москвы два часа, выехали (= закончили процесс выезда) уже глубокой ночью* – предел в семантике глагола *выехали* акцентирован как конечная граница и завершение действия. В следующем предложении в семантике того же глагола в большей степени актуализировано начало новой ситуации (после достижения результата и завершения действия): *Когда мы выехали из города на пустынное шоссе (= оказались на пустынном шоссе), все вздохнули с облегчением.*

Таким образом, терминативные глаголы выражают достижение конечного предела действия, после которого наступает новое результирующее состояние, выраженное в семантике глагола как имплицитное следствие, но в тексте оно может быть актуализировано. Имплицитное выражение результирующего состояния при помощи форм прошедшего времени СВ является типологической особенностью русского языка, как показывает сопоставление с рядом других языков. Например, в немецком и чешском языках результирующее состояние чаще выражается при помощи аналитических конструкций с отглагольными причастиями, прилагательными и наречиями, тогда как в русском в функционально эквивалентных предложениях при помощи глаголов СВ выражается действие, результат которого сохраняет актуальность для момента речи или другого последующего момента времени. Ср.: *Тебе **пришло** толстое письмо* – *Ein dicker Brief ist für dich da* (букв. Здесь для тебя толстое письмо); *Почти два года как он **уехал*** – *Fast zwei Jahre ist er schon fort (weg)* – *Je pryč už dva roky* (букв. Он в другом месте уже два года);

венного перехода к другому объекту», то конец или граница какого-то действия, протекающего во времени, предполагает начало другого действия, другой ситуации – «в мире жизни нет пустого времени» (Арутюнова 2002, 5).

⁴ Терминативными (лат. *terminus* – ‘предел, граница’) здесь названы традиционные предельные глаголы – с целью разграничить лексический и грамматический пределы действия. Лексический предел выражается в семантике терминативных глаголов как СВ, так и НСВ, обозначающих такие действия, которые предполагают завершение после достижения внутреннего предела (*сделать / делать, упасть / падать*). Грамматический предел (Виноградов 1972, 394) выражается в семантике лишь глаголов СВ – как актуализация временной границы действия.

Цветок завял – Květina je zvadlá (букв. Цветок увядший). *Пиво выдохлось – Pivo je zvětralé* (букв. Пиво выдохшееся); *Комнату я уже убрала – Pokoj je už uklizený* (букв. Комната уже убранная).

Текстовые функции видов В.В.Виноградов также объяснял их категориальным значением – в частности динамизм глаголов СВ в повествовательном тексте их результативной, предельной семантикой: «они обозначают перелом процесса в направлении к результату действия и наличие этого результата ... результат в прошедшем времени соверш. вида мыслится динамически, как отправной пункт для нового действия (Виноградов 1980, 229, 230). Взаимодействуя со словообразовательной структурой глагола, СВ может выражать разные предельные моменты действия: начальный (*занять, захлопать, побежать*); начальный и конечный длительного действия (*поработать, побегать*); начальную и конечную границы действия, воспринимаемого целостно, как единый квант (*промелькнуть, прозвучать*); конечный предел действия, не связанный с результатом (*отшуметь*) и др. Но во всех случаях речь идет об актуализации ГРАНИЦЫ действия.

Видовое противопоставление в трудах Р. Якобсона, В.В. Виноградова, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко и многих других (как их предшественников, так и последователей) описывается как оппозиция с маркированным совершенным видом и немаркированным несовершенным. Если глаголы СВ всегда выражают предел как границу действия, то глаголы НСВ, не актуализируя предела действия, способны реализовать все другие возможные отношения к нему: 1) отрицать его, выражая процессуальное значение, при котором фокусируются не предельные, а срединные моменты протекания действия (Якобсон 1985, 221), – действие представляется синхронно с точкой отсчета (*Воздушный шар медленно поднимается / поднимался*); 2) выражать неограниченное повторение однородных действий, без актуализации характера протекания каждого из них; если нет специальных контекстных показателей, то из ситуации вытекает, что речь идет о повторении завершенных действий (*Летом она встает / вставала рано; Это опасное место на трассе он проезжал очень осторожно*); 3) просто называть действие без какой-либо конкретизации его протекания (*Вы доктор наук? А когда вы защищали (ср. защитили) диссертацию?*). Можно сказать, что НСВ, проявляя аспектуальную нейтральность, в последнем предложении при обозначении единичного результативного действия в прошлом, замещает СВ. Именно подобное употребление глаголов НСВ в контекстах, типичных для СВ, позволило сделать вывод о немаркированном характере НСВ в

видовой оппозиции. Если контекст не выражает результат или кратность действия, то НСВ, как немаркированный член оппозиции, может оставлять эту информацию невыраженной. Например, в ответе на вопрос *Почему чашка грязная?* – *Не знаю, я ее мыла* форма НСВ *мыла*, выражает лишь факт совершения действия в прошлом, без актуализации результата или процесса действия. Аналогично в предложении *Мы встречались с ним в Берлине* форма НСВ *встречались* не выражает определенно, была ли одна встреча или несколько.

3. Различные точки зрения на граммему НСВ. Широкий диапазон аспектуальной семантики НСВ обуславливает существование в лингвистике противоположных точек зрения на граммему НСВ. В ряде работ (Forsyth 1970, Ломов 1977) НСВ трактуется как аспектуальный «ноль», который сам ничего не выражает, а все имплицитно из контекста. Напротив, в исследованиях «толковательного» направления в аспектологии⁵ считается, что НСВ всегда имеет свое собственное значение, т.е. маркирован в той же степени, что и СВ. Проанализируем противоречия в понимании характера НСВ и соответственно типа видовой оппозиции.

Интерпретация НСВ как немаркированного члена видовой противопоставления обусловлена тем, что он может имплицитно выражать аспектуальные характеристики действия из контекста и, как уже отмечалось, замещать СВ при обозначении единичного результативного действия в прошлом или будущем. А в минимальном контексте предельные глаголы НСВ в силу нейтральности своего категориального значения допускают неоднозначное восприятие обозначаемых ими действий. Так, в простом предложении, не содержащем никаких других аспектуальных показателей, не исключается, по крайней мере, двойное понимание действия, обозначенного глаголом НСВ: как единичного процессуального с синхронным моментом наблюдения (*Он чинил наш компьютер [и не мог отойти ни на минуту]*) и как обобщенного, т.е. аспектуально нейтрального с ретроспективным моментом наблюдения (*Он чинил наш компьютер [и все знает]*), причем в последнем случае даже при расширении контекста остается неясным, было ли действие один или несколько раз. Тем не менее отмеченные факты не дают основания считать, что НСВ

⁵ «Толковательное» направление в аспектологии основывается на тесном взаимодействии видовой и лексической семантики глагола и на тезисе о едином, лексикографическом, или «толковательном», методе изучения лексических и грамматических значений. Толкуются оба члена видовой пары, совпадающая часть двух толкований считается общим лексическим значением, а различающиеся части – видовыми значениями (Гловинская 2001, 46).

является «аспектуальным нулем»: отсутствие актуализации предела в семантике НСВ порождает не только его аспектуальную нейтральность, но и собственное неопредельное (процессуальное) значение.

Собственное значение НСВ обычно связывают с употреблением глаголов НСВ для обозначения действий, синхронных моменту речи или другой точке отсчета, ср.: *Сегодня я не могу пойти в кино: готовлюсь к экзамену. Когда ты позвонил, он смотрел телевизор*). Но эти значения сторонники аспектуальной нейтральности НСВ также считают контекстно обусловленными, так как при их выражении в предложениях обычно имеются показатели актуальности действия для определенного конкретного момента, поэтому НСВ, не актуализирующий предельных моментов действия, оставляет возможность восприятия действия лишь синхронно с этим моментом. Собственное значение НСВ, независимое от контекста, выявляется при изучении семантического согласования видов с аспектуальными элементами контекста – при выявлении случаев нарушения такого согласования.

4. Ошибки в употреблении глаголов НСВ иностранными учащимися, обусловленные неправильной интерпретацией НСВ как «аспектуального нуля». Собственное неопредельное значение НСВ, независимое от контекста, мешает парным по виду глаголам НСВ замещать соответствующие глаголы СВ, если в предложении при обозначении единичного действия имеются показатели завершенности и результата действия. Отношение к НСВ как к «аспектуальному нулю» и игнорирование законов семантического согласования аспектуальных элементов контекста является источником ошибок для не славян, изучающих русский язык. Ср., например, неправильное употребление видов в следующих предложениях, извлеченных из контрольных работ иностранцев, изучающих русский язык: **Он уже все, что я ему оставила, ел; *Делайте это сегодня полностью / до 7 часов вечера; *Вы уже писали свою статью? Сегодня мы *выполняли всё / *будем выполнять все к 7 часам. Вчера я *перedelывала статью за два часа; Завтра за два часа я *буду перedelывать статью*. Если контекст содержит оценку результата действия или какую-либо иную его конкретизацию, то замена форм СВ формами НСВ также невозможна, ср.: *Кто вам так хорошо сшил (*шил) костюм? Ты послал (*посылал) телеграмму домой сразу?*

Формы прошедшего времени НСВ могут замещать формы прошедшего времени СВ при обозначении единичного действия лишь в том случае, если его завершенность и результативность вытекает из ситуации или

контекста, но не актуализируется специальными лексическими элементами. Ср.: *Я читала / прочитала эту статью, мы можем ее обсудить. Где вы покупали / купили этот словарь? Это платье мне шила сестра.* Сочетаемость глаголов НСВ с детерминантами, подчеркивающими завершенность и результативность действия, в русском языке возможна в контексте повторяющихся действий, который рассматривается как позиция нейтрализации видового противопоставления (Петрухина 2000, 67 – 71), ср.: *Мы выполняли все полностью, как правило, к 7 часам. Он шил костюмы моему отцу всегда хорошо. Обычно она перепечатывала такой текст за час.* Примечательно, что собственное значение НСВ – неопределенность, или процессуальность, в разных славянских языках в одних и тех же контекстах выражена в разной степени. В чешском и словацком языках даже при обозначении повторяющихся действий сочетание глаголов НСВ с показателями завершенности и результата действия невозможно: более явное, чем в русском языке, процессуальное значение глаголов НСВ не нейтрализуется и в контексте повторяющегося действия. Так, в чешском и словацком языках невозможны предложения, эквивалентные русскому предложению *Такой текст она обычно перепечатывала за час*: **Takový text přepisovala obvyčejně za hodinu*; словац. **Prepisovala taký text obvyčajne za hodinu*. Возможны лишь следующие предложения: 1) с НСВ – чеш. *Takový text přepisovala obvykle hodinu* (*Такой текст она обычно перепечатывала час*) или 2) с СВ, который, как известно, в чешском и словацком языках свободно сочетаются с показателями кратности действия: чеш. *Takový text přepsala obvykle za hodinu* - словац. *Prepisala taký text obvyčajne za hodinu* (букв. **Такой текст она обычно перепечатала за час*). Польский язык здесь проявляет сходство с русским – показатели завершенности и целостности действия свободно сочетаются с НСВ в контексте узуального действия: ср. *Taki tekst ona zazwyczaj przepisywała w godzinę*, подробнее см. (Петрухина 2000, 72). Сочетание подобных элементов с глаголами НСВ возможно также и в настоящем историческом, что также дает основание для трактовки данного контекста как позиции нейтрализации видового противопоставления (см. ниже).

Рассмотренный выше запрет на сочетание глаголов НСВ с показателями завершенности, результата действия и его оценки не позволяют говорить о полной аспектуальной нейтральности НСВ, что не противоречит классическому определению привативной оппозиции грамматических форм, данному Р.О. Якобсоном (Якобсон 1985, 221). НСВ не является полным аспектуальным «нулем», а, как немаркированный член привативной оппозиции, характеризуется семантической двойственностью:

его категориальное значение неопределенности в определенных типах контекста реализуется как 1) нейтральность по отношению к категориальному признаку предела действия; 2) как его отрицание, т.е. процессуальность, препятствующее сочетанию глаголов НСВ с лексическими показателями завершенности и предела действия. В контексте конкретного неповторяющегося действия НСВ максимально противопоставлен СВ, поэтому в прошедшем времени не сочетается с эксплицитными маркерами конечного предела действия.

5. Соотношение нейтрализации видовой оппозиции и конкуренции видов. Синонимия видов, «когда оппозиция между видами стирается» и возможно «смешение видов» (Карцевский 2004, 146), интерпретируется не только как нейтрализация видовой оппозиции, но и как конкуренция видов. Под конкуренцией видов В. Матезиус, который ввел данное понятие в лингвистику, понимал употребление обеих видовых форм для обозначения одного и того же факта действительности в соответствии с различными потребностями языковой стилизации (Matehesius 1938, 15). Аналогично Ю.С.Маслов о конкуренции видов говорил в тех случаях, когда выбор вида определяется «субъективной точкой зрения говорящего» (Маслов 1984 / 2004: 104).

Соотнесение двух понятий – «нейтрализации видовой оппозиции» и «конкуренции видов», по-разному интерпретирующих синонимическое употребление видов, позволяет понять суть разногласий в понимании семантики НСВ и типа видового противопоставления. Понятие «нейтрализация видов» отражает отношение СВ и НСВ лишь к категориальному видовому признаку (который мы определяем как предел действия), когда оба члена видового противопоставления его выражают – СВ эксплицитно, НСВ имплицитно, поэтому противопоставление видов с точки зрения этого признака нерелевантно. А понятие «конкуренции видов», предполагающее употребление глаголов СВ и НСВ для обозначения одной и той же ситуации действительности, подчеркивает различия в интерпретации данной ситуации: не будучи противопоставленными по отношению к коррелятивному признаку, разные видовые формы наполняются новыми смыслами – различным прагматическим содержанием. Например, обозначая одну и ту же ситуацию глаголы разного вида могут ее представлять как известную (СВ) или неизвестную (НСВ), в частности в вопросительных и отрицательных предложениях: СВ выражает известное, ожидаемое действие, тогда как глагол НСВ указывает лишь на факт осуществления действия или отсутствие этого факта (Рассудова 1968, 20–21). Ср.: (1) *Вы прочитали статью Кириллова?* / *Вы*

читали статью Кириллова?; (2) Алексей мне книгу не вернул, хотя я его об этом очень просил / Никакой книги мне Алексей не возвращал, ничего не знаю. При этом в первой паре предложений, употребленных вне широкого контекста, глаголы разного вида *прочитали, читали* выступают как близкие и взаимозаменяемые синонимы, а во второй паре предложений с более широким контекстом такая замена уже затруднена. Если контекст содержит эксплицитное указание на известность действия (в данном случае сложную частицу *так и не*), то замена видов вообще невозможна, ср.: *Алексей мне книгу так и не вернул (* не возвращал).*

Такие прагматические различия между видами дают основание для отрицания привативного характера видовой оппозиции и для интерпретации этой оппозиции как эквиполентной, когда каждый из видов обладает своим значением. По всей видимости, на сходных рассуждениях основывается утверждение, что грамматические формы вообще могут вступать только в эквиполентные оппозиции – в силу обязательности выражения грамматического значения и обязательного выбора между противопоставленными грамматическими формами (а привативные оппозиции могут быть образованы только словообразовательными значениями) (Плунгян 2000, 108). Действительно, обязательный выбор формы может определяться не только категориальной семантикой грамматической категории – граммемой, но и дополнительными смыслами, но лишь в позиции нейтрализации основного (категориального) противопоставления грамматических форм. Таким образом, понятия «нейтрализации видовой оппозиции» и «конкуренции видов» являются не противопоставленными, а взаимодополняющими.

Близкая синонимия СВ и НСВ наблюдается при конкуренции следующих частных видовых значений:

- 1) ограниченно-кратного НСВ и суммарного (СВ) (*Он три раза мне звонил / позвонил*). Но если повторяющееся несколько раз действие невозможно представить как единое, например в силу его сложности, наличия интервалов между повторениями или невозможности совершать его с одним и тем же объектом, то СВ в суммарном значении не употребляется (например, невозможны предложения **Три раза он отправился* (ср. *отправлялся*) *в экспедиции в одиночку, *Пять раз уехал без нас*);
- 2) потенциального (СВ) и неограниченно-кратного (НСВ), которое также может иметь оттенок потенциальности (*Алексей душа компании: и анекдоты расскажет, и на гитаре сыграет / и анекдоты рассказывает, и на гитаре играет*);

- 3) наглядно-примерного (СВ) и неограниченно-кратного (НСВ) (*Катя всегда в последний момент испугается и уйдет в сторону / пугается и уходит в сторону*). Условием такой конкуренции (во 2-ом и 3-ем случаях) является употребление нескольких глагольных форм в кратно-парной (два соотношенных глагола) или кратно-цепной (три и больше глагольных форм) конструкциях (Маслов 1959, 245);
- 4) конкретно-фактического (СВ) и общефактического предельного (НСВ) (*Профессор Крутов на заседании уже выступал / уже выступил. Кто записал / записывал последнюю лекцию профессора Петрова?*).

Но полной синонимии видов нет, даже в таких классических случаях, как последнее предложение (*Кто записал / записывал последнюю лекцию профессора Петрова?*), в котором «общефактическое значение НСВ отличается от конкретно-фактического значения СВ лишь тонким, хотя и ясно ощутимым оттенком, порой с трудом переводимым на какой-нибудь неславянский язык» (Маслов 2004, 104). Специфическая функция НСВ может быть актуализирована при расширении контекста. Например, если в следующем за вопросом предложении говорящий обращает внимание на нежелательный или побочный результат действия, то в таком вопросе более естественно употребление НСВ: *Кто записывал лекцию профессора Петрова? Мне кажется, в записях много неточностей*. В вопросе НСВ отсылает к факту осуществления действия, последующее предложение указывает на несоответствие результата норме – поэтому СВ, выражающий естественный результат действия, в предшествующем вопросе маловероятен.

Конкуренция видов может быть связана с дискурсивными функциями видов. В диалогах формы прошедшего времени НСВ участвуют в формировании речевых актов, например в создании риторического вопроса, с заведомо известным отрицательным ответом. Ср.: *Кто тебя просил это делать?* ('никто не просил, не надо было это делать'); *Кто тебя туда посылал* ('никто не посылал, не надо было ходить'); *Я вас перебивала?* ('ясно, что не перебивала'). *Дайте и мне договорить*. Употребление форм прошедшего времени СВ в риторическом вопросе невозможно, так как эти формы преобразовали бы его в собственно вопрос, направленный на получение неизвестной информации (*Кто тебя об этом попросил?*). Формы прошедшего времени НСВ могут использоваться для смягчения отказа предоставить необходимую информацию, которой спрашиваемый не владеет, ср.: *Простите, вы взяли лыжи напрокат? Сколько стоят лыжи с ботинками?* – *Не знаю, это муж брал* (Тэк-Гю Хонг 2003, 97–112, 320). Форма СВ *взял* (с обязательным заполнением

объектной валентности) в таком ответе не исключена, но менее вероятна (*Не знаю, это муж взял лыжи*).

Итак, между понятиями нейтрализации видовой оппозиции и конкуренции видов нет никакого противоречия: в условиях нейтрализации противопоставления видов по отношению к категориальному признаку две различные грамматические формы – СВ и НСВ – наполняются новым, модально-прагматическим, содержанием и способны выполнять дополнительные дискурсивные функции. Прагматическая противопоставленность глаголов СВ и НСВ в этих условиях также может быть выражена в разной степени – от близкой синонимии до различий, препятствующих взаимозамене видов и исключающих конкуренцию. Нейтрализация видовой оппозиции при этом приобретает обязательный характер: обязательным становится употребление аспектуально нейтрального НСВ.

6. Настоящее историческое: нейтрализация или транспозиция вида? Как пример нейтрализации видового противопоставления в русском языке рассматривается употребление НСВ в настоящем историческом, т.е. при обозначении презентными формами глаголов НСВ завершенных действий в прошлом, сменяющих друг друга на линии повествования (Бондарко 1971, 226 – 233; Маслов 2004, 109). Настоящее историческое представляет собой переносное употребление (транспозицию) форм настоящего времени для обозначения прошедших действий. При переносном употреблении грамматическая форма, сохраняя свое категориальное значение, вступает в противоречие со значением контекста, следствием чего является образность выражения: в случае настоящего исторического прошедшие действия изображаются так, будто они происходят синхронно с моментом наблюдения. В русском языке в этом временном плане при обозначении единичных действий могут употребляться лишь формы настоящего времени НСВ, за исключением конструкций типа *как вскочит* для обозначения неожиданных действий в разговорной речи или художественном повествовании⁶. Собственно говоря, речь идет о создании метафорического актуального настоящего, при этом функции презентных форм НСВ в актуальном и историческом настоящем существенно различаются. Актуальное настоящее в принци-

⁶ В контексте настоящего исторического возможны также формы простого будущего - при выражении прошедших повторяющихся действий (*У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел - он впереди, я в пяту. "Серезжа!" - позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазевашься, фукнет* (М. Пришвин).

пе не допускает понимания действий как завершенных, результативных, а в настоящем историческом формы НСВ могут обозначать действия объективно быстротечные, завершённые, представляя их как развертывающиеся процессы. Ср.: *Старик шел медленно, потом вдруг останавливается и оглядывается* (в прошедшем времени было бы... *остановился и оглянулся*). Противопоставление видов с точки зрения характера протекания действий во времени при сочетании форм прошедшего и настоящего времени в настоящем историческом часто оказывается мнимым: формы прошедшего времени СВ и формы настоящего времени НСВ выражают последовательные действия, однородные с точки зрения характера их протекания во времени. Ср.: *Но вот передовые облака уже начинают (ср. начали) закрывать солнце; вот оно выглянуло в последний раз, осветило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдруг изменяется (ср. изменилась) и принимает (ср. приняла) мрачный характер. Вот задрожала осиновая роща; листья становятся (ср. стали) какого-то бело-мутного цвета, ярко выдающегося на лиловом фоне тучи... Молния вспыскивает (ср.: улыбнулась) как будто в самой брочке, ослепляет (ср. ослепило) зрение и на одно мгновение освещает (ср. осветило) серое сукно, басон и прижавшуюся к углу фигуру Володи* (Л. Толстой). В приведенных предложениях значение процессуальности презентных форм НСВ является такой же фикцией, как и их значение настоящего времени.

У немаркированных членов грамматических оппозиций «можно говорить о двоякого рода вторичной функции, связанной как с нейтрализацией семантического противопоставления, так и с транспозицией этих членов», причем транспозиция подвергается более узкое, маркированное значение (Кржижкова 1966). Не является ли употребление презентных форм НСВ в настоящем историческом транспозицией не только значения настоящего времени, но и процессуального значения НСВ? В связи с настоящим историческим говорят о транспозиции лишь настоящего времени. Но в этом временном плане проявляется метафорическое противоречие сочетания не только форм настоящего времени и показателей прошедшего времени типа *вчера, на прошлой неделе*, но и глаголов НСВ с показателями завершенности и результативности действия типа *за два часа, к семи часам, до пяти часов* (правда, в последнем случае противоречие ощущается в меньшей степени, чем в случае временной метафоры). Ср.: *Мы выполняем всё к 7 часам и уезжаем. Вчера я переделываю статью за два часа и сразу же везу ее в редакцию.*

Вопрос о транспозиции вида является сложным и проблематичным, ввиду значительной доли интерпретационной составляющей в семантике видов и субъективности при выборе СВ или НСВ для обозначения одной и той же денотативной ситуации. Поэтому можно сказать, что в рамках категории вида стирается грань между нейтрализацией и транспозицией – глаголы НСВ, не теряя своего значения процессуальности, выполняют функции СВ, проявляя типичную для последнего сочетаемость. В настоящем историческом можно говорить о своеобразной комбинации в презентных формах НСВ противоположных значений обоих видов – процессуального значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ (Маслов 2004, 110). Метафорический «живописный» компонент присущ значению глаголов, обозначающих действия, которые можно непосредственно наблюдать. Но в настоящем историческом могут быть представлены и действия, в принципе недоступные простому визуальному наблюдению в силу того, что они имеют обобщенный характер и занимают продолжительные отрезки времени. В настоящем историческом информативном (в информативном регистре, по Г.А. Золотовой) формы НСВ не имеют ярко выраженного значения процессуальности, а говорящий выступает не как наблюдатель, а будто бы как свидетель событий. Ср.: *В конце апреля Гумилев выезжает из Парижа в Россию. Он должен отбывать воинскую повинность. Но первым делом он устремляется в Киев, чтобы увидеть Анну Горенко. Затем - в Царское. По дороге выезжает в Москву на свое первое свидание с Брюсовым* (В.Лукницкая). Таким образом, в зависимости от наблюдаемости / ненаблюдаемости ситуации одно из двух взаимосвязанных видовых значений (конкретно-фактическое и процессуальное), взаимодействующих в семантике глаголов НСВ в контексте настоящего исторического может актуализироваться в большей или меньшей степени.

Настоящее историческое – это временной план, который может существовать только в нарративном режиме речи. В настоящем историческом нельзя перевести действие из временного плана прошлого диалогического режима, т.е. без кратных или кратных-соотнесенных конструкций, характерных для нарратива. Например: *Я вчера встретил его в университете* (невозможно: *Я вчера встречаю его в университете) – *Мне вчера утром позвонил директор* (невозможно: *Мне вчера утром звонит директор). Возникает вопрос, почему это невозможно. Для создания эффекта фигурального настоящего и синхронности наблюдения завершенных в прошлом действий необходима протяженная во времени ситуация, образуемая двумя или несколькими действиями или даже общий временной план, в котором ведется повествование, – момент наблю-

дения синхронен с этой ситуацией или временным планом в целом, ср.: *Я вчера встречаю его в университете и прохожу мимо, как будто не замечаю; Мне вчера утром звонит директор и сообщает о приезде комиссии. Ср. также: Симпатичная сутуловатая фигура Данилова как-то решительно идет к учительскому месту и становится лицом к классу. ... Раздается давно ожидаемый, отрадный для ученического слуха звонок. ... Учитель задает по грамматике, потом фразы с латинского на русский, затем сам диктует с русского на латинский и ... наконец уходит* (Гарин-Михайловский).

7. Дискуссионный вопрос о возможности выражения актуального настоящего формами простого будущего СВ. В ряде исследований отмечалось, что в определенных синтаксических условиях возможно употребление глаголов СВ по отношению к действиям, одновременным с моментом речи: 1) *Не пойму, что он говорит;* 2) *Попрошу задержаться;* 3) *Посмотрите: огонек то вспыхнет, то погаснет* (Зализняк 1990; Бондарко 2002, 499). Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Категориально обусловленный запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами и на употребление СВ с конкретно-процессным значением в русском языке соблюдается строго. Как представляется, не являются исключением для несовместимости актуального процесса со значением совершенного вида и рассмотренные выше случаи употребления глаголов СВ. В предложениях с отрицанием типа *Не пойму, что он говорит* глагол СВ выражает не процесс, а отсутствие результата предшествующих моменту речи попыток совершить действие и, как обобщение, констатацию невозможности совершить его в момент речи. Условием такого употребления СВ и возможной взаимозамены видов (*Не понимаю / не пойму, что он говорит*) является отрицание, т.е. констатация отсутствия действия. Ср. также: *Что же он не спросит / не спрашивает нас о здоровье отца? Почему к нам не зайдешь / не заходишь?* Если же отрицание подчеркнуто, то глагол НСВ (как синоним СВ) может быть употреблен только в сочетании с модальным глаголом: *Никак тебя не пойму* (ср. *Никак тебя не могу понять*); *Никак не найду (не могу найти) нужную книгу / не открою (не могу открыть) замок / не решу (не могу решить) эту задачу.* Модальные глаголы показывают, что в данных контекстных условиях речь не идет о выражении актуального настоящего. Это особый тип употребления форм простого будущего СВ с модальным значением невозможности достижения результата в момент речи – в условиях отрицания происходит пересечение временных планов прошедшего, настоящего и будущего. А.А. Зализняк назвал

это значение форм простого будущего «презенсом напрасного ожидания» (Зализняк 1990).

При употреблении перформативов СВ типа *Иван Васильевич, попрошу вас задержаться* начальный и конечный момент произнесения глагола СВ (а также более употребительных в этой функции перформативных глаголов НСВ типа *гарантирую, обещаю, напоминаю, прошу*) совпадают с начальным и конечными моментами осуществления названного действия, поэтому глаголы выступают не в конкретно-процессном значении (которое обычно шире момента речи, т.к. в момент речи оно не завершено), а в функции констатации факта. «Перформативы всегда результативны», поэтому «не употребляются в процессном и актуально-длительном значениях настоящего несовершенного» (Апресян 1995, 239). Это создает условия для синонимичного употребления форм СВ и НСВ в перформативной функции – при выражении «настоящего перформативного»: *Вот что я вам предложу / предлагаю: переходите работать к нам; Этим тезисом я и закончу / заканчиваю свое выступление; Попрошу / прошу предъявить документы*. Отметим при этом, что в значении настоящего перформативного в русском языке может быть употреблена лишь небольшая группа глаголов СВ (*попрошу, закончу, продолжу, начну, отвечу* и некоторые другие). В этом значении, как и в других типах настоящего времени, в русском языке более частотны глаголы НСВ.

В третьем типе предложений (*Посмотрите: огонек то вспыхнет, то погаснет*) выражена наблюдаемая (перцептивная) ситуация – действия в рамках данной ситуации одновременны моменту наблюдения. В приведенном выше примере *Посмотрите: огонек то вспыхнет, то погаснет* выражено наблюдение непроцессуальных (точечных) и повторяющихся действий. Пара связанных действий (*то вспыхнет, то погаснет*) позволяют выразить синхронность с моментом наблюдения всей ситуации в целом, протяженность которой задается соотношением этих точечных и многократных действий. Аналогичные примеры приводятся в (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, 403). В принципе два любых взаимосвязанных и быстротечных повторяющихся действия, выраженных формами простого будущего СВ, могут быть представлены как наблюдаемые: *Смотрите: заяц то вскочит, то спрячется; Видите: он то подпрыгнет, то кувырок сделает*. Таким образом, формы простого будущего СВ во всех трех рассмотренных случаях выражают не процессуальное действие (начатое, но не завершенное и включающее момент речи), а замкнутую ситуацию, синхронную моменту наблюдения.

8. Практические выводы. Семантическая двойственность НСВ, обусловленная его неопределенностью, позволяет глаголам НСВ выражать разнообразные типы протекания действия во времени, но не произвольно, а по строгим правилам согласования с аспектуальными элементами контекста и режимом речи – диалогическим или повествовательным. При обозначении конкретного единичного действия в прошлом глаголы НСВ не сочетаются с показателями завершенности и результативности действия (типа *за час, к семи часам*). Такая сочетаемость возможна в контексте повторяющегося действия и в плане настоящего исторического. Синонимия и конкуренция видов при выражении неповторяющихся прошлых действий возможна при отсутствии конкретизации действия и его результата. Реализация дополнительных прагматических и дискурсивных функций видов возможна только в условиях нейтрализации видового противопоставления и при отсутствии лексических актуализаторов завершенности и результата действия.

В контексте узуальных и повторяющихся действий конкуренция видов наблюдается в основном в кратно-цепной и кратно-парной конструкциях, являющихся условием употребления в этом значении СВ, в том числе и в настоящем историческом. Настоящее историческое презентных форм НСВ реализуется только в нарративе. Употребление НСВ в этом временном плане характеризуется чертами как нейтрализации видовой оппозиции, так и транспозиции НСВ со значением процессуальности.

В строго определенных контекстных условиях возможно употребление форм простого будущего СВ для выражения замкнутой ситуации, синхронной с моментом речи и наблюдения: 1) в отрицательных предложениях (*Никак не открою дверь; Извините, не скажу вам, сколько времени – нет часов*) – модальное значение невозможности совершить действие распространяется и на момент речи; 2) при выражении исчерпанности действия моментом говорения (при перформативном употреблении некоторых глаголов: *попрошу, закончу, продолжу, начну, отвечу* и др.). 3) когда границы наблюдаемой ситуации заданы чередованием двух или более соотнесенных действий, номинация которых образует неоднократно упоминавшиеся кратно-парные и кратно-цепные конструкции.

Литература

- Ю.Д. Апресян Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
- Ю.Д. Апресян, Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва, 1995.
- Н.Д. Арутюнова, Вступление // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва, 2002, с. 5 – 18.
- А.В. Бондарко, Вид и время русского глагола, Москва 1971.
- А.В. Бондарко, Теория морфологических категорий, Москва 1976.
- А.В. Бондарко, Теория значения в системе функциональной грамматики, Москва 2002.
- В.В. Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове, Москва – Ленинград 1972.
- В.В. Виноградов, Стилль “Пиковой дамы” // Избранные труды. О языке художественной прозы. Москва 1980, с. 176 – 238.
- М.Я. Гловинская, Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва 2001.
- А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- А.А. Зализняк, Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok 1990. S. 109-114
- Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, Введение в русскую аспектологию, Москва 2000.
- Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова, Коммуникативная грамматика русского языка, Москва 1998.
- Г.А. Золотова, Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания, 2002, 2.
- С. Карцевский, Система русского глагола // Вопросы глагольного вида, Москва 1962, с. 218 – 231.
- С.И. Карцевский, Из лингвистического наследия, Москва, 2004.
- Е. Кржижкова, Темпорально–квантитативная детерминация глагола (опыт трансформационного анализа) // *Československá rusistika*, 1966, 1.
- А.М. Ломов, Очерки по русской аспектологии, Воронеж 1977.
- Ю.С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка, Москва 1959, с. 157 – 312.
- Ю.С. Маслов, Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание, Москва 2004.
- Е.В. Падучева, Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива, Москва 1996.

- Е.В. Петрухина, Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками, Москва 2000.
- В.А. Плунгян, Общая морфология, Москва 2000.
- О.П. Рассудова, Употребление видов глагола в русском языке, Москва 1968.
- Тэк-Гю Хонг, Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов, Москва 2003.
- Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III, Москва 1963.
- Р. Якобсон, Избранные работы, Москва 1985.
- W. Gladrow, Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen. Eine konfrontative Studie. VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig 1979.
- W. Gladrow, Kompletivsätze und Attributivsätze im Russischen. Eine Studie zur Struktur und Bedeutung zusammengesetzter Sätze, Berlin 1984. (=Linguistische Studien des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften der DDR, Reihe A 115).
- W. Gladrow, Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Gladrow. VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig 1989.
- W. Gladrow, Das Subjekt im Slawischen und Deutschen. Ein mehrdimensionaler Vergleich, in: Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen, hrsg. von W. Gladrow und S. Heyl, Frankfurt am Main, Berlin, Bern etc. 1996, S. 20-33 (=Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 1).
- W. Gladrow, Funkcional'naja grammatika i sopostovitel'naja lingvistika, in: Issledovanija po jazykoznaniju. K 70-letiju Elena-korrespondenta RAN A.V. Bondarko, S.-Peterburg 2001, s. 67-77.
- W. Gladrow, Funkcional'nyj analiz složnopodcinennyh predloženij, in: Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta, Moskva 2002, s. 254-267 (= Festschrift G.A. Zolotova).
- J. Forsyth, A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb, London 1970.
- V. Mathesius, O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném. In: Čeština a obecný jazykozpyt. Praha 1947, s. 195-202;